

оригинальная статья
УДК 902/904

Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства

Игорь Вячеславович Ковтун

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово
ivkovtun@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2020. Принята к печати 01.02.2021.

Аннотация: Статья посвящена культурно-хронологическому контексту петроглифов оглахтинско-томской группы Нижнего Притомья. Представлен общий перечень геометрических петроглифов Южной Сибири. Приведена малочисленная серия изобразительных параллелей, удостоверяющих вероятный хронологический диапазон геометрических зооморфных персонажей в западносибирских культурах эпохи бронзы. Рассмотрены изобразительные параллели геометрическим петроглифам из раннеандроноидного комплекса в Васюганье и из лугавского захоронения со Среднего Енисея. Уточнены датировки по ^{14}C для ряда хронологически значимых памятников раннеандроноидного и предшествующего периода из бассейна р. Васюган. Выделены археологические и петроглифические комплексы ранне- / андроноидного переходного времени от развитой к эпохе поздней бронзы в Нижнем Притомье. Впервые приведены основания хронологии и обоснованы абсолютные даты петроглифов геометрического стиля, а также их связь с раннеандроноидным комплексом в Нижнетомском очаге наскального искусства. Пересмотрена абсолютная хронология петроглифов младшей тувино-алтайской группы, удревненных до раннего сейминско-турбинского времени. Представлены палимпсесты и ритуально-обрядовые комплексы, удостоверяющие сосуществование оглахтинско-томских и позднеангарских изображений. Высказано предположение о бытовании петроглифов геометрического стиля и реалистических позднеангарских изображений в составе единых раннеандроноидных сообществ. Указаны различные истоки данных изобразительных традиций.

Ключевые слова: раннеандроноидные культуры, оглахтинско-томская группа, Нижнее Притомье, хронология, наскальное искусство

Цитирование: Ковтун И. В. Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 10–19. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19>

Введение

Сводная стилистическая группа петроглифов Среднего Енисея и Нижнего Притомья была выделена нами [1, с. 73–83, табл. 46, 2–6, табл. 47, 1, 3, 13] на основании обособленных Я. А. Шером геометрических изображений комплекса Оглахты III [2, с. 233]. Характерным признаком данной стилистической серии изображений представляется ее малочисленность. Помимо указанного памятника стилистически схожие петроглифы зафиксированы на средне-енисейских комплексах Оглахты I, Шалаболинская писаница, Усть-Туба I, Усть-Туба III, Шаман-камень и, возможно, в стилизованном виде на г. Шишка [3, с. 122, табл. 57, с. 125, табл. 63, с. 129, табл. 68, 69].

Основания датировки: орнаментальные мотивы, стратиграфия, кельт и данные ^{14}C

В настоящее время известна серия рисунков оглахтинско-томского типа на крайней северо-западной периферии Саяно-Алтая, происходящих из Нижнего Притомья и Томского Приобья вплоть до бассейна р. Васюган. Особую разновидность оглахтинско-томской изобразительной манеры как составной части геометрической традиции

представляют горно-алтайские материалы. Даже в материалах одного Калбак-Таша усматривается не менее четырех типов геометрических вариаций. Это собственно горно-алтайская реплика оглахтинско-томских изображений; смешанные рисунки, сочетающие черты оглахтинско-томской и более древней младшей тувино-алтайской групп; горно-алтайская позднейшая вариация рисунков младшей тувино-алтайской группы; изображения, сочетающие геометрическую стилистику с джурамальской манерой как истоком горно-алтайского аналога тепсейского (предварчинского) иконографического стандарта [1, с. 67, 73–79].

В Нижнетомском очаге наскального искусства такие изображения найдены на Томской, Новоромановской и писанице Висящий Камень (рис. 1, 2). На Тутальской писанице петроглифы, близкие оглахтинско-томской группе, зафиксированы на пятой и седьмой плоскостях памятника. В первом случае они расположены на верхней периферии многофигурной композиции, состоящей из изображений, выполненных в ангарском стиле (рис. 3). На седьмой плоскости геометрические рисунки сочетаются с петроглифами, близкими варчинскому стандарту, и, видимо,

одновременны им (рис. 4). В обоих случаях эти изображения Тутальской писаницы не производят впечатления исходных образцов подобной манеры передачи зооморфных персонажей. Так, в отличие от них, среднеенисейские рисунки оглахтинско-томского типа контурны и декоративны, отличаются поперечной орнаментацией и стилизованной акцентировкой задней части крупы зооморфного изображения. При этом на пятой плоскости тутальского комплекса

геометризованные рисунки животных выполнены не в контурном, а в силуэтном исполнении. Особо примечательно, что задние ноги данных персонажей подогнуты под корпус, напоминая позу внезапной остановки. Такая манера изображения появилась в сейминско-турбинскую эпоху [4, с. 18–19], но ее широкое распространение, как известно, связано с представительными сериями анималистических образов скифского времени. Симптоматично, что аналогичная черта отличает поздне- или постварчинские изображения коней на каменных плитках из жилищ 2 и 3 поселения Торгажак [5, с. 30, рис. 6], нижняя дата которого связывается со II (карасук-лугавским) этапом эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, датированным XII–XI вв. до н. э. [6, с. 41, 53; 7, с. 202; 8, р. 12], а наиболее древние даты по ^{14}C относятся к 1260–923 и 1208–917 гг. до н. э. [8, р. 8].

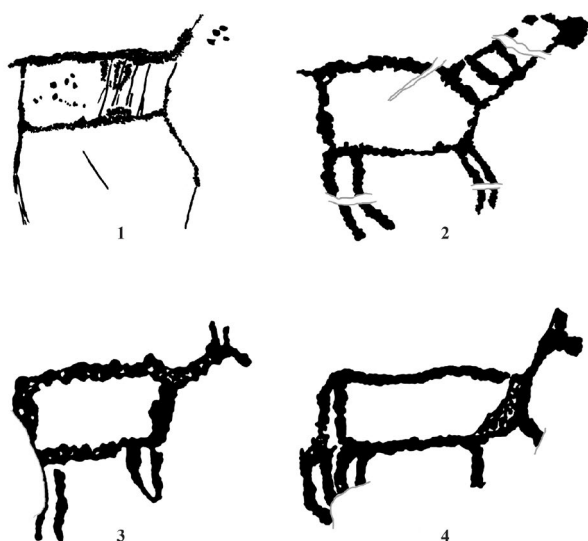

Рис. 1. Оглахтинско-томские петроглифы Томи. 1–3 – Висящий Камень; 4 – Томская писаница (прорисовки И. Д. Русаковой)
Fig. 1. Oglakhty-Tom petroglyphs of the River Tom. 1–3 – Visyashchiy Kamen; 4 – Tomskaya Pisanitsa (sketches by I. D. Rusakova)

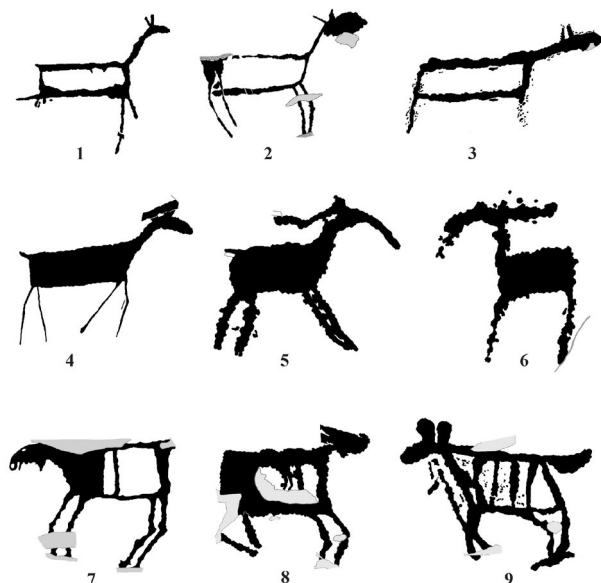

Рис. 2. Оглахтинско-томские петроглифы Томи. Новоромановская писаница (1–6, 8, 9 – прорисовки И. Д. Русаковой)
Fig. 2. Oglakhty-Tom petroglyphs of the River Tom. Novoromanovskaya pisanitsa (1–6, 8, 9 – sketches by I. D. Rusakova)

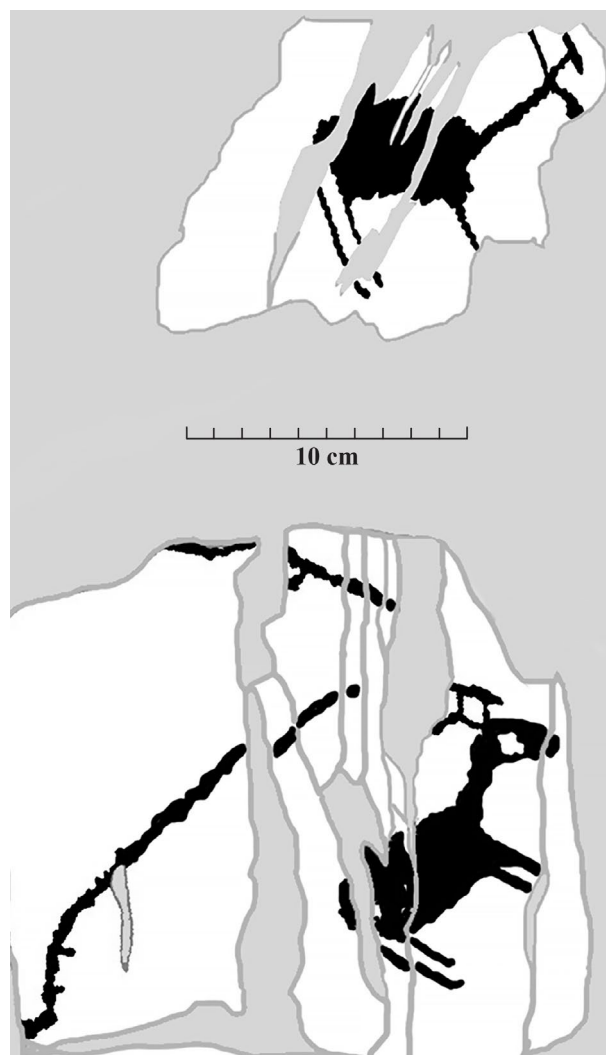

Рис. 3. Геометрические петроглифы Томи. Тутальская писаница, плоскость 5 (прорисовка И. Д. Русаковой)
Fig. 3. Oglakhty-Tom petroglyphs of the River Tom. Tutalskaya Pisanitsa, panel 5 (sketches by I. D. Rusakova)

Для датировки геометризованных оглахтинско-томских изображений небезынтересны уникальные рисунки на западносибирских керамических сосудах, относимых к эпохе поздней бронзы. Зооморфное изображение в геометрическом стиле известно на сосуде из лугавского комплекса Подсинья I («Абакан у моста»). В двух версиях, представленных Н. А. Членовой и И. П. Лазаретовым, детали этого рисунка отличаются, но геометризованный абрис корпуса животного передан одинаково (рис. 5). Данное захоронение отнесено к карасук-лугавскому периоду II-б эпохи поздней бронзы Среднего Енисея, датируемому, как уже отмечалось, концом всего II этапа, т. е. XII–XI вв. до н. э. [6, с. 43, 53; 7, с. 202; 8, р. 12].

К северу от Нижнего Притомя в Васюганье уникальные фрагменты керамики с зооморфным изображением оглахтинско-томского типа найдены в заполнении жилища V поселения Малгет (рис. 6). Ранее отмечалось, что в данном жилище находилась еловская керамика: как с гребенчато-ямочным субстратом (1-й тип, он же – 1-я группа, по М. Ф. Косареву и В. И. Матющенко, и V группа, по Ю. Ф. Кирюшину), так и со следами андроновского

влияния [9, с. 19, 20, рис. 5, с. 94, рис. 34, 1, 2, 4]. Появление данной группы посуды Ю. Ф. Кирюшин и А. М. Малолетко относили к XII или XIII вв. до н. э. [9, с. 105]. Позднее сообщалось, что жилище V поселения Малгет относится к числу наиболее ранних комплексов памятника, и в нем найдена только керамика выделенной Ю. Ф. Кирюшиным 1-й группы. Данная группа аналогична выделенной М. Ф. Косаревым 1-й группе посуды еловского типа или т. н. раннееловской. Она характеризуется сочетанием орнаментальных приемов эпохи развитой бронзы с нарастающим геометризмом и датируется автором XIII–X вв. до н. э. [10, с. 89–90, 93–94].

На хронологию керамики этой группы из жилища V поселения Малгет, включая фрагменты с зооморфным изображением оглахтинско-томского облика (рис. 6), указывает сосуд с андроновскими треугольниками «горизонтального» типа с вертикально-сомкнутой компоновкой элементов – «флажками» (рис. 7, 3) [11, с. 116, 118, рис. 3, 2; 12, с. 18, 195, табл. 8, III]. На этом же горшке фигурируют два пояса андроновских замкнутых линейных меандров и разделитель зон из чередующихся ямочных вдавлений и двух коротких отрисков гребенки, присущий ближайшим раннеандроноидным культурам: еловской и танайской (рис. 7, 3). Аналогичные треугольные орнаментальные элементы «флажки» запечатлены еще на одном сосуде с поселения

Рис. 4. Геометрические петроглифы Томи. Тутальская писаница, плоскость 7 (прорисовка И. Д. Русаковой)
Fig. 4. Oglakhty-Tom petroglyphs of the Tom river. Tutalskaya Pisanitsa, panel 7 (sketches by I. D. Rusakova)

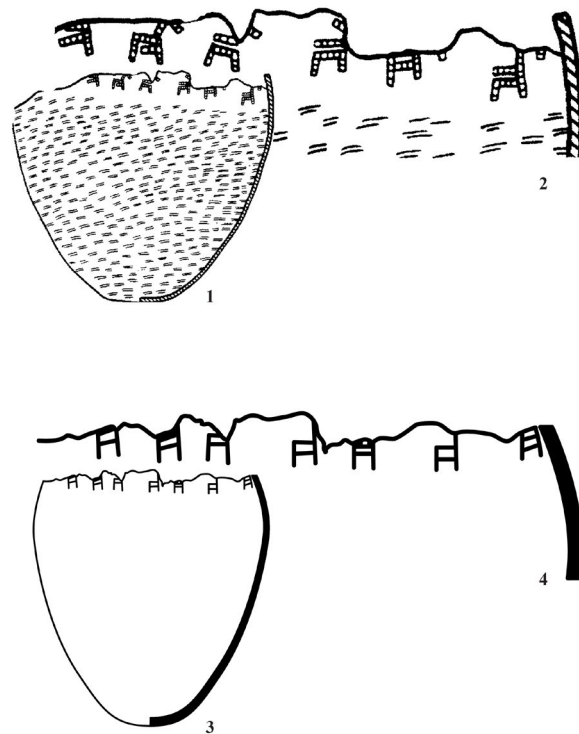

Рис. 5. Геометрические параллели оглахтинско-томской группы. Подсинья I («Абакан у моста»): 1, 2 [1, с. 80, табл. 53]; 3, 4 – рисунок И. П. Лазаретова
Fig. 5. Geometric parallels of the Oglakhty-Tom group. Podsin'yaya I ("Abakan at the bridge"): 1, 2 [1, с. 80, tab. 53]; 3, 4 – sketches by I. P. Lazarev

Малгет и на горшке с поселения Тух-Сигат IV (рис. 7, 1, 2). Эти орнаментальные мотивы представляются частью Васюганского ранне- / андроновидного комплекса и следствием генерации раннеандроновидных образований на юге Западной Сибири.

На поселении Тух-Сигат IV подобная керамика перекрывала заполнение жилища 4 с фрагментами сосудов, орнаментированных, по нашему мнению, самусойскими и отчасти степановскими композициями [10, с. 93, 232, рис. 122]. Думается, это васюганские производные самусьского суперстрата, ранний постсамусьский комплекс, на что указывает и полученная Ю. Ф. Кирюшиным по ^{14}C дата жилища 4 в пределах 3300 ± 90 BP или калиброванная – 1470 г. до н. э. [10, с. 93]. При этом современная калибровка конвенциональной даты дает иные значения: 1780–1406 гг. до н. э. (92,8 %) или 1689–1496 гг. до н. э. (65,4 %). Эти уточненные даты в большей степени отвечают приведенной культурно-исторической характеристике данных находок. Таким образом, время самусойского и / или постсамусьского комплекса жилища 4 Тух-Сигат IV без крайних значений приходится на XVII–XVI вв. до н. э., а при более широкой интерпретации – с XVIII до XV вв. до н. э. Соответственно, нижняя дата перекрывающей этот комплекс керамики, включающей в т. ч. и посуду Васюганского ранне- / андроновидного комплекса, не старше XV в. до н. э.

Указанную веку возможно принять и за экстраполируемую нижнюю дату керамики с изображением оглахтинско-

томского типа из жилища V поселения Малгет, найденной вместе с ранне- / андроновидной посудой. Период бытования и верхнюю дату этого керамического комплекса, вероятно, удостоверяет дата углей по ^{14}C из сосуда первой группы (по Ю. Ф. Кирюшину), найденного в жилище VI поселения Малгет: 2890 ± 45 BP [10, с. 94]. Калиброванные значения этой даты составили 1213–971 гг. до н. э. (91,5 %) или 1128–1004 гг. до н. э. (64,0 %). Полученные диапазоны соотносятся с предложенным Ю. Ф. Кирюшиным периодом XIII–X вв. до н. э., но не в качестве периода бытования всего комплекса [10, с. 94], а лишь его верхнего хронологического

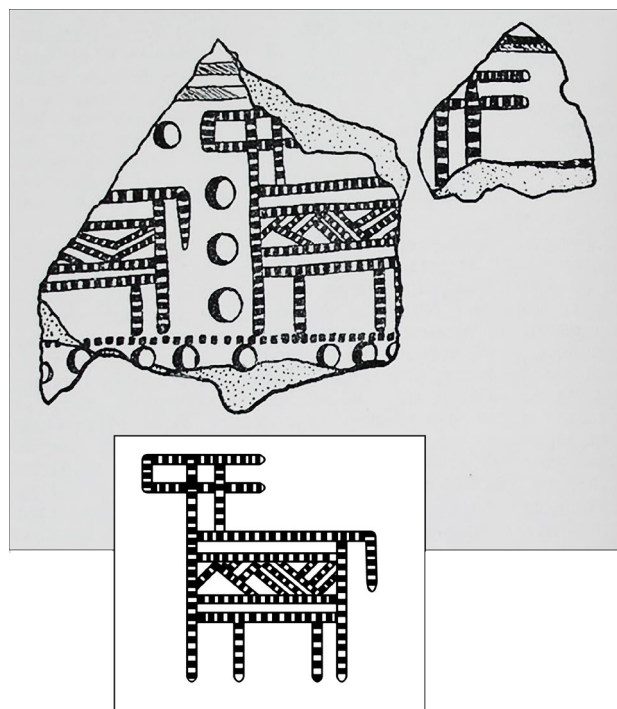

Рис. 6. Геометрические параллели оглахтинско-томской группы. Керамика из жилища 5 поселения Малгет [9, с. 168, рис. 43]
Fig. 6. Geometric parallels of the Oglakhty-Tom group. Ceramics from dwelling 5 of Malget settlement [9, p. 168, fig. 43]

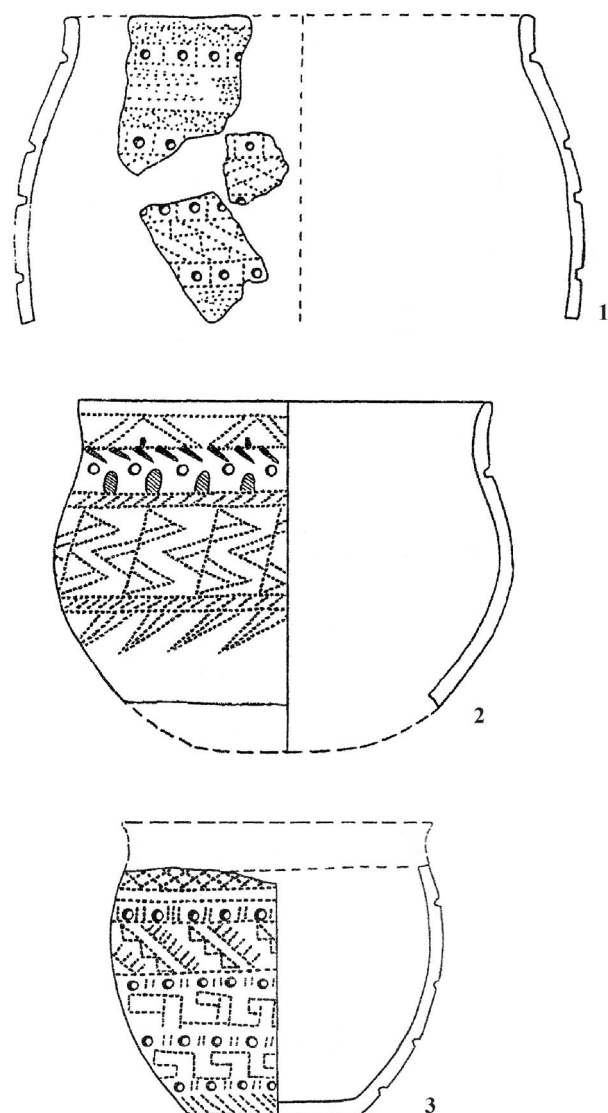

Рис. 7. Сосуды Васюганского ранне- / андроновидного комплекса с мотивом «флажки». 1 – Малгет; 2 – Тух-Сигат IV; 3 – Малгет, жилище 5 [10, с. 256, рис. 184, 1, с. 252, рис. 180, 2, с. 237, рис. 165, 3]
Fig. 7. Vessels from Vasyugan Early-Andronian and Andronian complexes with the flag theme. 1 – Malget; 2 – Tukh-Sigat IV; 3 – Malget, dwelling 5 [10, p. 256, fig. 184, 1, p. 252, fig. 180, 2, p. 237, fig. 165, 3]

рубежа. На это обстоятельство указывает отсутствие в декоре керамики из жилища VI, в отличие от посуды из жилища V, собственно андроновских орнаментальных элементов [10, с. 237, табл. 165, 1, 2, 4].

Подтверждением более ранней даты керамики первой группы (по Ю. Ф. Кирюшину), включающей ранне- / андроновидные образцы, представляются обстоятельства находки кельта самусьско-кижировского типа на поселении Тёнга. По информации Ю. Ф. Кирюшина он был найден вместе с наиболее ранней керамикой эпохи поздней бронзы, отнесенной им к 1-й и 2-й группам [10, с. 93]. Согласно сообщению автора раскопок: «На Тёнге, памятнике эпохи финальной бронзы, находящемся в 300 м от впадения р. Тёнга в р. Невагу (левый приток р. Парабели), в 5 км от с. Прокоп Парабельского р-на вскрыто 24 кв. м. Обнаружено много фрагментов керамики, обломки литейных форм и шишек, кельт турбинско-сейминского типа» [13, с. 226]. Типологически подобные кельты отнесены к самусьско-кижировским типам бронзовых изделий к КТР-50 [14, с. 154–155, рис. 79, 1–7]. Традиция самусьско-кижировской металлообработки «укоренилась... в самусьской, крохалёвской, андроновидных, гребенчатоямочной керамики и других культурах северной лесостепи, лесной и горно-лесной зон Западной и Восточной Сибири» [15, с. 54]. По мнению С. В. Кузьминых, кельт с поселения Тёнга синхронен времени таких раннеандроновидных образований, как еловская, позднекротовская и другие культуры этого периода (устная консультация С. В. Кузьминых). Таким образом, культурно-хронологический диапазон подобных изделий также удостоверяет нижнюю границу керамики первой группы (по Ю. Ф. Кирюшину), включая посуду Васюганского ранне- / андроновидного комплекса и найденных с ними фрагментов с изображением оглахтинско-томского типа, в пределах XV в. до н. э.

Опираясь на вышеприведенные доводы, хронологический период бытования геометризovaných изображений оглахтинско-томского типа следует определять XV–XII (XI) вв. до н. э.

Геометрические петроглифы Томи: истоки и хронология

Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства образуют немногочисленную серию изображений (рис. 1–3). Судя по иконографическим особенностям и предельной стилизации, заключительную стадию бытования подобных изображений олицетворяют соответствующие экземпляры тутальского комплекса. На это указывает и круг параллелей в материалах культур сопредельных районов, бытовавших от эпохи поздней бронзы до раннего железного века.

Об относительной хронологии и нижней дате изображений оглахтинско-томской группы в Нижнетомском очаге наскального искусства можно судить по палимпсесту с Новоромановской писаницы. Здесь оглахтинско-томское

изображение перекрыто позднеангарскими рисунком лоса без признаков геометризации (рис. 8). Эта стратиграфическая ситуация удостоверяет факт вероятно кратковременного сосуществования в Нижнетомском очаге наскального искусства двух кардинально различных изобразительных традиций. Реалистическая или близкая к ней манера нижнетомского анимализма сложилась задолго до возникновения абстрактных обобщений, воплощенных в предельной геометризации форм. Петроглифы оглахтинско-томской группы создавались спустя не менее 500–700 лет с момента нанесения на притомские скалы первого рисунка. Согласно вышеизложенным доводам, появление в Нижнем Притомье таких зооморфных изображений состоялось около или не ранее середины II тыс. до н. э. При этом оглахтинско-томский, а равно и варчинский изобразительные каноны олицетворяют генерацию принципиально иной доктринальной идеи, игнорирующей реалистическое сходство копии и оригинала.

В этой революционной парадигме стилистические значения схематичных персонажей обусловлены изменившимися представлениями о признаках и необходимости

Рис. 8. Палимпсест с рисунками оглахтинско-томской группы и позднеангарского облика. Новоромановская писаница, плоскость 5 (прорисовка И. Д. Русаковой)

Fig. 8. A palimpsest with petroglyphs of the Oglakhty-Tom group and the Late Angara type. Novoromanovskaya Pisanitsa, panel 5 (sketches by I. D. Rusakova)

изобразительного подобию. В раннеандроноидной прото-идеографии образов реального мира семантика изображения потеряла зависимость от его сходства с оригиналом. Такое состояние представляется промежуточным звеном между реалистическим образом и знаком, когда первое уже утрачено, а процесс абстрагирования еще не окончился формированием второго. Изображения с реалистическими чертами замещаются схематичными образами, распознавание которых предполагает знание системы абстрактных семантических признаков различных персонажей. В этом проявляется иносказательность природы рафинированной коммуникативной модели, провозгласившей достаточность символизации смысла взамен идентифицирующего значения аналогии. При фигуральном сравнении с современными технологиями такую культурную ситуацию в высшей степени условно можно уподобить различию принципов работы аналоговых и цифровых устройств.

Таким образом, первопричина абстрагирования, присущего оглахтинско-томским и варчинским изображениям, обусловлена стремлением сохранить и воспроизвести содержательное значение образов. Поэтому инвариантность ключевых признаков геометрических петроглифов, визуально воспринимаемая как воспроизводство ортогонального стиля, по сути, олицетворяет воспроизведенный смысл. Данный вывод справедлив и для иных стилистических разновидностей наскальных изображений, и не только наскальных. В этом качестве стиль и есть смысл. Не случайно соотношение смысла и стиля напоминает взаимосвязь мифа с ритуалом. Сохранение и повторение кардинальных элементов стиля сопоставимо с ритуальным актом, многократно передающим ключевые аспекты содержания мифа. Посредством подобного ритуала инвариантность смысла из жанра устного повествования переносилась в область изобразительной практики, предопределяя иконографический контекст. Так, ментальность культуры формирует атрибуты ее самовыражения, включая и изобразительный стиль. Полагаем, что стилистический критерий явственнее прочих характеризует мировоззренческое единство одной культурной традиции и демонстрирует ее отличие от другой. Следовательно, ассимилятивным трансформациям стилистических традиций предшествует столкновение фундаментальных культурных представлений и генерация социокультурного базиса нового мировосприятия.

Ментальные трансформации в среде западносибирских культур во второй четверти II тыс. до н. э. обусловлены эпохальной пертурбацией традиционного мировоззренческого уклада. Эти изменения вызвали вторжения мигрантов, сопровождавшиеся индоктринацией привнесенных древних / или уже восточноиранских ритуально-обрядовых практик, пантеона и образа мироздания. Таковыми оказались последствия культурно-исторического разлома, спровоцированного андроновской экспансией, сопровождавшейся андронизацией автохтонных зауральских и западносибирских популяций и сложением свиты ранне- / андронидных

образований. Произшедшее столкновение двух отличных социокультурных миров породило новые изобразительные формы, адекватные композитной мифологической системе ранне- / андронидных сообществ. Оглахтинско-томская серия представляется фрагментарным локусом этого субконтинентального процесса, составившего историческое содержание переходного времени от развитой к эпохе поздней бронзы Северо-Западной Азии.

Феномен геометрического стиля второй половины II тыс. до н. э. представляется постандроновским компромиссом между андроновской протоидеографической орнаментально-знаковой системой и реалистическим искусством ряда западносибирских культур. Поэтому оглахтинско-томская и варчинская манеры изображения в качестве частного примера опосредованного следствия данного синтеза восходят к андроновскому табу на фигуративные изображения. Подобно семантически значимым андроновским композициям им присуща передача содержательно свернутой, схематично-формульной информации о мифологических образах и сюжетах.

Вместе с тем мы далеки от признания андроновского вторжения единственным фактором, обусловившим появление различных серий петроглифов геометрического стиля. Вероятные истоки феномена геометризации усматриваются и в наскальных рисунках, связываемых с автохтонными культурами. В частности, подобные иконографические тенденции заметны по ряду изображений ранее выделенной младшей тувино-алтайской группы. Спустя два десятилетия стилистическое единство данной серии по-прежнему не вызывает сомнений [1, с. 81, табл. 55]. Но в связи с глобальным удревнением абсолютной хронологии культур бронзового века Северной Евразии датировка младшей тувино-алтайской группы также нуждается в пересмотре. По сопровождающему фигуру быка «хвостатому» антропоморфу в грибовидном головном уборе из Кара-Чада [1, с. 81, табл. 55, 7], типологически аналогичному младенцу с кинжалом сопкинско-каракольского типа из Бага Ойгура II [12, с. 64–71; 16], нижний рубеж подобных рисунков относится к раннему периоду сейминско-турбинской эпохи, т. е. не моложе последней трети II тыс. до н. э. Ю. Н. Есин связывает подобные рисунки из Усть-Тубы II с периодом становления окуневской культуры [17, с. 69], что, вероятно, подтверждается находкой плитки со схожим рисунком у окуневской (?) могилы в кургане 25 Итколя II [18, с. 125–127]. Поэтому андроновский геометризм мог быть привнесен на восприимчивую культурную почву, сформировавшуюся в отдельных окуневских коллективах.

Реалистичные формы переживают проникшую в Нижнее Притомье геометрическую изобразительную манеру. Как уже отмечалось, данный факт удостоверяется палимпсестом Новоромановской писаницы (рис. 8). При этом очевидно, что ангарские лоси предшествуют оглахтинско-томской группе, а значит и сосуществуют с ней. Соответственно, определенные серии петроглифов ангарского стиля непосредственно

предшествуют и синхронны свите ранне- / андроновских культур второй трети II тыс. до н. э. [19, с. 29–34]. Имеются и другие доводы в пользу подобного предположения. Так, в памятниках ранне- / андроновских культур исключительно редко находки предметов мелкой пластики. Но в Еловском поселении обнаружена реалистичная костяная фигурка лося (рис. 9), принадлежащая раннеандроновской культуре. Еловская скульптурка найдена в регионе, расположенном между Нижним Притомьем и Васюганьем, и территориально связывает приводимые культурные и изобразительные сходства из этих районов. Ближайшие петроглифические параллели этой уникальной фигурке известны среди изображений ангарского стиля на Томи. Следовательно, синхронные серии позднеангарских и оглахтинско-томских наскальных изображений одновременно Нижнетомскому ранне- / андроновскому комплексу.

В Нижнетомском очаге наскального искусства обнаружены два ритуально-обрядовых комплекса, демонстрирующие сакральность жертвенного образа лося в переходное время от развитой к эпохе поздней бронзы и позже. Такие свидетельства жертвенных практик раннеандроновского и поздне-бронзового периодов косвенно удостоверяют вероятность существования и реалистических петроглифов этого времени.

Рис. 9. Костяная фигурка лося. Еловское поселение (раскопки В. И. Матющенко, фото И. В. Ковтуна)
Fig. 9. A moose figurine (bone). Elov settlement (excavations by V. I. Matyushchenko, photo by I. V. Kovtun)

Первый комплекс ирменского времени зафиксирован на стоянке Долгая I, детально исследован и интерпретирован ранее [20, с. 64–86]. Второй найден на поселении Верхняя Санюшка (Ивановка-1). Его публикации сопутствует ограниченный комментарий: «Гребенчато-ямочный комплекс периода развитой бронзы также представлен преимущественно фрагментами посуды с предельно простой орнаментацией из чередующихся "гребенчатых" мотивов (ряды наклонных оттисков подтреугольного штампа, "ёлочка", сетка из печатных оттисков зубчатого инструмента) и поясов ямочных вдавлений... В одной из ям фрагменты сосуда с подобной

орнаментацией выложены над костями лосяного черепа. Назначение этого объекта пока остаётся неясным, но он определённо придает колорит всему комплексу» [21, с. 10].

Обнаруженный объект отличают показательные этнографические соответствия [20, с. 73; 22, с. 108–109, 112, 154–155, 158], хотя его ритуально-обрядовое предназначение и остается непостижимой проблемой для соавторов публикации. При этом уникальный колорит поселению придает не лосяний череп с керамикой, а раннеандроновские древности памятника, включая и данное свидетельство жертвы головы сохатого божеству-духу или деифицируемому мифологическому персонажу. Орнаментальная композиция сосуда из жертвенного комплекса сочетает чередуемые ряды диагональных оттисков сравнительно мелкого пятизубчатого штампа (судя по фото) с однорядными ямочными вдавлениями. Подобные орнаментальные схемы представлены в ранне- / андроновских комплексах Западной Сибири и фигурируют, например, на керамике из ЕК-II, Еловского поселения, Красного Яра I, васюганских поселений Тух-Сигат IV и Тух-Сигат VII, соответствующего комплекса Самусь IV. Похожий, но выполненный гладким штампом орнаментальный сюжет известен и на сосуде из смешанного танайско-ирменского поселения Саратовка 6 [23, с. 191, рис. 285, 5, с. 246, рис. 357, 2; 24, рис. 37, 4; 25, с. 178, табл. 24, 18; 10, с. 241, рис. 169, 1, с. 243, рис. 171, 2; 26, табл. 8, 2; 27, с. 28, рис. 8, 15] и т. д. Таким образом, орнаментальная схема сосуда из Верхней Санюшки I (Ивановки-1) располагает широким кругом параллелей, надежно датированных ранне- / андроновским временем. Поэтому рассматриваемый сосуд относится не к гребенчато-ямочному комплексу развитой бронзы, как полагают соавторы публикации, а к трансэпохальному раннеандроновскому периоду.

Показательно, что ритуальный жертвенный комплекс с лосяним черепом из Верхней Санюшки I (Ивановки-1) сопровождался керамикой не со специфически андроновской, а с гребенчато-ямочной орнаментацией. Подобные экземпляры восходят к автохтонному, возможно, субкультурному, западносибирскому субстрату в составе раннеандроновских сообществ. Это свидетельствует о связи данного компонента с реалистической изобразительной традицией, кратковременно сосуществовавшей в раннеандроновских образованиях с оглахтинско-томской манерой.

Заключение

На севере Нижнего Притомья древности ранне- / андроновского облика обнаружены в захоронениях Томского могильника на Малом мысу, в Томском могильнике на Большом мысу, на поселениях Самусь IV, Самусь III и, возможно (?), на Старом Мусульманском кладбище. Керамические сосуды указанных памятников демонстрируют главным образом две стилистические разновидности орнаментальных композиций. Первая представлена производными от андроновских построений меандровидными,

треугольными и зигзаговыми, а также иными мотивами, нередко комбинированными с поясково-сетчатыми бордюрами. Другая группа объединяет в основном моносюжетные орнаментальные схемы с однообразным повторением ямочных и подтреугольных вдавлений либо коротких оттисков двух-трехзубчатого, реже гладкого, штампа. Сюда же отнесены сосуды с елочными, каннелюрно-елочными, гребенчато-ямочными и другими композициями. Южнее, в Нижнетомском очаге наскального искусства керамика раннеандроноидного времени впервые обнаружена на поселении Новороманово II в непосредственной близости от писаницы Висящий Камень и на поселении Верхняя Санюшка I (Ивановка-1). Возможно (?), немногочисленные фрагменты керамики этого времени найдены и на стоянке Долгая I, расположенной непосредственно

на Новоромановской писанице и давшей самую представительную серию оглахтинско-томских рисунков (рис. 2). Согласно вышеприведенным доводам именно с ранне- / андронидным археологическим комплексом, вероятнее всего, соотносятся наскальные изображения оглахтинско-томской группы в Нижнем Притомье.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-49-420003 p_a «Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность».

Литература

1. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.
2. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
3. Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 160 с.
4. Ковтун И. В. Конь и лыжник: Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск: ТГУ, 2012. Т. IV. 128 с.
5. Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петерб. востоковедение. 1996. 112 с.
6. Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
7. Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петерб. востоковедение, 2019. С. 188–202. DOI: 10.31600/978-5-85803-525-1-188-202
8. Poliakov A. V., Lazaretov I. P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Т. 29. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.102125
9. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.
10. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2004. 295 с.
11. Ковтун И. В. Основы морфологии андроновского орнамента // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4. С. 115–124.
12. Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.
13. Ложникова Г. В. Работы в Молчановском и Парабельском районах Томской области // Археологические открытия. 1973. Т. 1972. С. 225–226.
14. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
15. Кузьминых С. В. Сейминско-турбинский транскультурный феномен: миграция или распространение технологии // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: программа и тезисы докладов V Междунар. симпозиума. (Денисова пещера, Алтай, 19–24 августа 2019 г.) Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 52–56.
16. Ковтун И. В. Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2004. Т. 10. № 1. С. 277–285.
17. Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.
18. Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: (охранная археология). № 8 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб.: Периферия, 2018. С. 123–139. DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-123-139
19. Ковтун И. В. Танайская культура и переходное время от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4. С. 20–42. DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-02

20. Ковтун И. В. Шепот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-принт, 2014. 171 с.
21. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А., Сизёв А. С., Веретенников А. В., Конончук К. В., Щербакова А. В., Минина К. П., Фальман А. В. Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в Нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 8. С. 5–15.
22. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 282 с.
23. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд. ОмГУ, 2004. 468 с.
24. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. IV: Еловско-ирменская культура. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.
25. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье: Источники. Проблемы периодизации и хронологии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.
26. Баранес А. П., Косарев М. Ф., Славнин В. Д. Еловский археологический комплекс // Ученые записки Томского гос. ун-та. Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. 1966. № 60. С. 58–70.
27. Ковалевский С. А., Илюшин А. М. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Саратовка-6 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 18–32.

original article

The Oglakhty-Tom Petroglyphs of the Lower Tom Rock Art Complex

Igor V. Kovtun

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo
ivkovtun@mail.ru

Received 16 Nov 2020. Accepted 1 Feb 2021.

Abstract: The present research featured the cultural and chronological context of the Oglakhty-Tom petroglyphs found in the lower valley of the Tom river. The author compiled a complete list of geometric petroglyphs of South Siberia, as well as a series of representational parallels that can help to date geometric zoomorph characters carved by the Bronze Age peoples of West Siberia. The author also illustrated some representational parallels for geometric petroglyphs from the early Andronian period found in the Vasyugan complex and the Lugavskoye burial mound in the Middle Yenisei. The paper introduces some results of carbon dating for these petroglyphs. The author detected some new archaeological and petroglyphic complexes in the Lower Tom that go back to the epoch between Early Andronian time and the Bronze Age. He established the connection between the geometric petroglyphs and the Early Andronian complex in the Lower Tom, while the Minor Tuva-Altai petroglyphs proved to be as old as the Early Semya-Turbino period. The paper contains palimpsests and ritual assemblages that prove that Oglakhty-Tom and Late Angara petroglyphs once co-existed. The author believes that the geometric petroglyphs and the realistic Late Angara petroglyphs date back to the same Early Andronian communities. The research also traces back various sources of these art traditions.

Keywords: Early Andronian cultures, Oglakhty-Tom group, Lower Tom river valley, chronology, rock art

Citation: Kovtun I. V. The Oglakhty-Tom Petroglyphs of the Lower Tom Rock Art Complex. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 10–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-10-19>

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was done in terms of Russian Foundation for Basic Research project No. 20-49-420003 r_a Kuzbass Rock Art: chronology, mythology and cultural attribution.

References

1. Kovtun I. V. *Pictorial traditions of the Bronze Age of Central and North-West Asia: problems of the genesis and chronology of the iconographic complexes of the north-west of the Sayano-Altai*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2001, 184. (In Russ.)
2. Sher Ya. A. *Petroglyphs of Central and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ.)

3. Kovaleva O. V. *Rock carvings of the Late Bronze Age of the Minusinsk Basin*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011, 160. (In Russ.)
4. Kovtun I. V. *Horse and Skier: Proceedings of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography of Siberia*. Tomsk: TGU, 2012, vol. IV, 128. (In Russ.)
5. Savinov D. G. *Ancient settlements of Khakassia. Torgazhak*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 1996, 112. (In Russ.)
6. Lazaretov I. P., Polyakov A. V. Chronology and dating of the complexes of the Late Bronze Age in Southern Siberia. *Ethnocultural processes in the Upper Ob and the neighboring regions at the end of the Bronze Age*, ed. Shamshin A. B. Barnaul: Kontsept, 2008, 33–55. (In Russ.)
7. Polyakov A. V., Lazaretov I. P. Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions. *The past of humankind as seen by the Petersburg archaeologists at the dawn of the Millennium (100th anniversary of the Russian Academic Archaeology)*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2019, 188–202. (In Russ.) DOI: 10.31600/978-5-85803-525-1-188-202
8. Poliakov A. V., Lazaretov I. P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2020, 29. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.102125
9. Kiryushin Yu. F., Maloletko A. M. *Bronze age of Vasyugan*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979, 182. (In Russ.)
10. Kiryushin Yu. F. *Eneolithic and Bronze Age of the southern taiga zone of Western Siberia*. Barnaul: AltGU, 2004, 295. (In Russ.)
11. Kovtun I. V. Principles of morphology of Andronovo ornament. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (4-4): 115–124. (In Russ.)
12. Kovtun I. V. *Andronovo ornament (morphology and mythology)*. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost, 2016, 547. (In Russ.)
13. Lozhnikova G. V. Excavations in Molchanovsky and Parabelsky districts of the Tomsk region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1973, 1972: 225–226. (In Russ.)
14. Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)*. Moscow: Nauka, 1989, 320. (In Russ.)
15. Kuzminykh S. V. Seima-Turbino transcultural phenomenon: migration or technological expansion. *Mobility and migration: concepts, methods, results: Proc. V Intern. Symposium, Denisova Cave, Altai, August 19–24, 2019*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019, 52–56. (In Russ.)
16. Kovtun I. V. Image of a baby with a dagger (post-Seima type of daggers in the contact zone of the Eurasian and Central Asian metallurgical provinces). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2004, 10(1): 277–285. (In Russ.)
17. Esin Yu. N. Problems of dating the images of the Afanasyev culture in the rock art of the Minusinsk depression. *Afanasyev collection*, eds. Stepanova N. F., Polyakov A. V. Barnaul: Azbuka, 2010, 53–73. (In Russ.)
18. Polyakov A. V., Lazaretov I. P., Esin Yu. N. Investigations by the Sayan expedition of IIMK RAS at sites of the Early Bronze Age on Itkol Lake in 2016–2017. *Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences: (rescue archaeology)*, no. 8, ed. Solovyova N. F. St. Petersburg: Periferiia, 2018, 123–139. (In Russ.) DOI: 10.31600/978-5-907053-11-3-2018-8-123-139
19. Kovtun I. V. Tanay Culture and transitional time from the developed to the Late Bronze Age in Northern-Western Asia. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*, 2020, (4): 20–43. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-02
20. Kovtun I. V. *Whisper of the spirits (Ethnolinguocultural essays on the mythology of the Nizhny Tomsk writings)*. Kemerovo: Aziia-print, 2014, 171. (In Russ.)
21. Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Plats I. A., Sizyov A. S., Veretennikov A. V., Kononchuk K. V., Shcherbakova A. V., Minina K. P., Falman A. V. Results of excavations of the time-diverse Ivanovka-1 site in the Lower Tom center of rock art (based on the materials of 2013–2018). *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (8): 5–15. (In Russ.)
22. Karjalainen K. F. *Religion of the Ugra peoples*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995, vol. 2, 282. (In Russ.)
23. Matiushchenko V. I. *Elovo archaeological complex. Pt. 2. Yelovsky II burial ground. Doirmen complexes*. Omsk: Izd. OmGU, 2004, 468. (In Russ.)
24. Matiushchenko V. I. *Ancient history of the population of forest and forest-steppe Ob region (Neolithic and Bronze Age)*. Pt. IV. Yelovsko-Irmenskaya culture. Tomsk: TGU, 1974, 196. (In Russ.)
25. Matveev A. V. *Irmén culture in the forest-steppe Ob region: Sources. Problems of periodization and chronology*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1993, 181. (In Russ.)
26. Baranes A. P., Kosarev M. F., Slavnin V. D. *Elovsky archaeological complex. Uchenye zapiski Tomskogo gos. un-ta. Voprosy arkheologii i etnografii Zapadnoi Sibiri*, 1966, (60): 58–70. (In Russ.)
27. Kovalevsky S. A., Ilyushin A. M. Ceramic complex of the Late Bronze Age of the settlement of Saratovka-6. *Ethnocultural processes in the Upper Ob and the neighboring regions at the end of the Bronze Age*, ed. Shamshin A. B. Barnaul: Kontsept, 2008, 18–31. (In Russ.)